

Ларионова М. Б. Повседневная жизнь светской дамы в провинции (по материалам писем 1840—1850-х гг. жены уральского заводовладельца Е. А. Соломирской) / М. Б. Ларионова // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 254—271. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-254-271.

Larionova, M. B. (2019). Everyday Life of Fine Lady in Province (by Material of Letters of 1840—1850-ies of Ye. A. Solomirskaya, Ural Factory Owner's Wife). *Nauchnyi dialog*, 2: 254-271. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-254-271. (In Russ.).

УДК 94(47).073:394.011(470.51/.54)“184/185”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-254-271

Повседневная жизнь светской дамы в провинции (по материалам писем 1840—1850-х гг. жены уральского заводовладельца Е. А. Соломирской)

© Ларионова Марина Бариевна (2019), orcid.org/0000-0003-4969-0527, SPIN-код 2418-1265, кандидат исторических наук, ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (Екатеринбург, Россия), marin.lar@mail.ru.

На основе архивных материалов — писем столичной светской дамы, жены владельца Сысертских заводов (Пермская губерния) Екатерины Александровны Соломирской, написанных в середине XIX века из провинции (Сысертского завода или Екатеринбурга) в Москву своему отцу, московскому почт-директору А. Я. Булгакову, — реконструируется повседневная жизнь дворянки, выросшей и блиставшей в светском обществе, а впоследствии попавшей в уральскую провинцию. Рассматривается вопрос о том, каким образом происходил процесс приспособления столичной дамы к провинциальной жизни, смена ее ценностных ориентиров, изменение образа жизни, повседневных дел, круга общения и интересов. Актуальность работы обусловлена поворотом мирового гуманитарного знания к антропологической парадигме исследований, стремлением переосмыслить подходы к реконструкции прошлого, пристальным вниманием к жизни и деятельности отдельных представителей высшего сословия как носителей культурных ценностей российского общества, а также неизученностью повседневной жизни провинциального дворянства. Анализ уральских архивных материалов в указанных аспектах опровергает устоявшееся мнение о том, что дворяне на Урале не жили.

Ключевые слова: повседневность; провинциальное дворянство; Урал; уральские заводчики; Соломирские; эпистолярное наследие.

1. Введение

Известный литературовед Ю. М. Лотман писал, что «на общем фоне быта русского дворянства начала XIX века “мир женщины” выступал как

некоторая обособленная сфера, обладавшая чертами известного своеобразия» [Лотман, 1983]. Черты этого своеобразия хорошо прослеживаются в эпистолярном наследии женщин, которое сохранилось частично (особенно это касается писем провинциальных дворянок) не только в силу отрицательного отношения ко всему дворянскому в советский период, но и потому, что письма не всегда бережно хранили.

Следует заметить, что жизнь светской дамы в столице разительно отличалась от повседневной жизни дворянки в провинции. Сохранившийся комплекс писем [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132] жены совладельца Сысертских заводов Екатерины Александровны Соломирской (1811—1879), написанных в 1840—1850-е годы из провинции (из Сысертского завода или Екатеринбурга) в Москву своему отцу, московскому почт-директору А. Я. Булгакову, позволяет не только увидеть повседневную жизнь дамы, получившей воспитание в столице, блиставшей в светском обществе и попавшей в «сибирскую глушь», но и определить ее ценностные ориентиры, чувства и настроение, образ жизни, круг общения и интересов, а также черты ее женской индивидуальности.

Источниками для исследования послужили архивные материалы: в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в личном фонде А. Я. Булгакова, сохранилось эпистолярное наследие семейства уральских заводовладельцев Соломирских: письма дочери, Екатерины, ее мужа, Павла Дмитриевича, их детей — Дмитрия и Ольги. Перу Екатерины Александровны принадлежат 268 писем, адресованных преимущественно отцу (лишь четыре из них посланы мачехе Наталье Васильевне Булгаковой), которые охватывают временной период с 1819 года (самое раннее — детское письмо восьмилетней Кати) до середины 1850-х годов. Письма посланы из Москвы, подмосковных имений Шеметово, Смердино, Царского и Красного сел, Санкт-Петербурга, Сысертского завода и Екатеринбурга. Также сохранилось три письма, датированные 1819 и 1832 годами и посланные ею в Санкт-Петербург к дяде, Константину Яковлевичу Булгакову. Письма Павла Дмитриевича Соломирского (всего — 87) также адресованы преимущественно тестю А. Я. Булгакову, но два из них — Наталье Васильевне Булгаковой — жене Александра Яковлевича. Они охватывают временной период с 1835 года (года женитьбы на Екатерине Булгаковой) до середины 1850-х годов, написаны из Царского села, Петербурга, Сысертского завода и Екатеринбурга. Сохранилось четыре письма, адресованные А. Я. Булгакову внуками: Дмитрием Павловичем Соломирским (три письма с Урала, датированные 1845 и 1853, 1854 годами) и одно письмо — восьмилетней Ольгой Соломирской, посланное вместе с письмом брата в 1845 году.

И Павел, и Екатерина Соломирские писали на французском и русском языках, изящно вкрапляя иностранные слова или свободно переходя с одного языка на другой, их же дети писали только на русском.

Эпистолярное наследие семьи имеет историческую и научную ценность, оно является по сути единственной основой для изучения жизни дворянского семейства в провинции. Учитывая высокую ценность данных источников личного происхождения, в перспективе мы планируем подготовить их к публикации с научными комментариями и археографическими примечаниями, при этом предварять тексты документов будет их полный источниковедческий анализ.

С целью изучения повседневной жизни дворянки в провинции мы ограничились рассмотрением комплекса писем (83 письма), отправленных Екатериной Александровной из Сысертского завода или Екатеринбургa своему отцу в период ее пребывания на Урале, то есть с 1843 года до середины 1850-х годов. При цитировании писем сразу дается перевод с французского языка на русский без дополнительных пояснений.

2. Екатерина Александровна Соломирская: происхождение и «светская жизнь»

Е. А. Соломирская происходила из семьи, пользовавшейся влиянием в обществе. Ее отец, Александр Яковлевич Булгаков (1781—1863), — фигура очень заметная в московской жизни 1820—50-х годов. «Ловкий, любезный, — писал о нем Ю. М. Лотман, — “всеобщий одолжитель”, как его именовали в кругу пушкинских приятелей, он был, в первую очередь, живая хроника светских сплетен, переносчик новостей и передатчик слухов» [Лотман, 1997, с. 158]. В гостиной его дома всегда собирались самые лучшие представители столичного общества: талантливые поэты, писатели, музыканты и пр. В тесной дружбе с ним находились В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, П. А. Вяземский, Д. В. Дашков и др., а в постоянной переписке — видные государственные и общественные деятели, такие как граф Ф. В. Ростопчин, князь М. С. Воронцов, граф А. А. Закревский, Д. П. Татищев и др. «Вчера, — сообщал А. Я. Булгаков своему брату в письме от 21 марта 1829 г., — провели мы очень приятно вечер дома. Давно к нам просится поэт Пушкин в дом; я болезнью отговаривался, теперь он напал на Вигеля, чтобы непременно его к нам ввести. А вчера был очень любезен, ужинал и пробыл до 2-х часов. Восхищался детьми и пением Кати, которая пела ему два его стихотворения, положенные на музыку Геништою и Титовым. Он едет в армию Паскевича, узнать ужасы войны, послужить волонтером, может и воспеть это все. — Ах!

Не ездите, — сказала ему Катя: там убили Грибоедова. — Будьте спокойны, сударыня: неужели в одном году убьют двух Александр Сергеевичей? Будет и одного!» [Булгаков, 1901].

Современники отмечали красоту Е. А. Соломирской. Друг семейства, известный поэт и критик П. А. Вяземский шутливо называл ее «Ушко» за ее «прелестные крошечные ушки» [Вяземский, 1879]. Известный летописец дореформенной России М. Д. Бутурлин подчеркнул, что зимой 1828 года «стали выезжать в свет Екатерина и Ольга Александровны Булгаковы; из них очень хороша была собой, нечто вроде греческого типа, с блестящим цветом лица, первая из них» [Бутурлин, 2006, с. 237]. Он же в воспоминаниях за 1834—1836 годы отметил, что «украшением московских балов» были несколько красавиц, среди которых Екатерина Александровна Соломирская [Бутурлин, 2006, с. 372]. В 1835 году Екатерина Булгакова вышла замуж за совладельца Сысертских заводов, полковника Лейб-гвардии гусарского полка Павла Дмитриевича Соломирского (1798—1870) [Пирогова, 2008]. После замужества она жила в Царском селе, месте, где квартировался полк мужа. Небольшие доходы с заводского имения и огромные долги не позволили им жить в столице, и Павел после ухода в декабре 1839 года в отставку увез семью в свое имение на Урал. Произошло это, скорее всего, в 1843 году. С этого времени местом основного пребывания семьи Соломирских стал Сысертский завод. Но они не прервали связей со столицей, навещали своих родственников и знакомых (иногда их приезды были длительными) и находились с ними в постоянной переписке.

3. Письма как часть повседневной жизни дворянки

Письма для Екатерины Соломирской, с одной стороны, были частью ее повседневного существования, с другой — связью с внешним миром, источником информации о событиях из ее «прежней», светской жизни. Она их ждала, получала, читала, переписывала присланные чужие, писала новые, посылала. Определенные дни для нее напрямую были связаны с почтой, важны были только те, в которые привозили и забирали письма. Как правило, это происходило один раз в неделю. «Мы отправляем письма в город, — сообщила Екатерина, — только раз в неделю, милый папа, но т. к. у меня такая хорошая новость, я посылаю письмо экспрессом» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 48, л. 29]. Только во время пребывания в Екатеринбурге она могла писать чаще, дважды в неделю. «Почта, — рассказывала Соломирская, — еще не приходила от вас. Она совершенно как погода: беспрестанные перемены, то все время приходит, то опять начинается опаздывать» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 52, л. 33]. Иногда Екатерина

Александровна посылала письма с оказией в лице знакомых, которые ехали в Москву. В этом случае письмо содержало лишь информацию о сопровождающем, который должен был все рассказать сам: «Это письмо, милый папа, вам привезет г-н Карпов. Это милый человек, но очень смешной», — сообщала Екатерина [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 47, л. 19].

Письма составлялись ею с соблюдением устоявшихся норм и канонов. Они начинались с указания места и числа, заканчивались всегда одинаково: «Целую Ваши ручки. Ваша покорная дочь Е. Соломирская» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 49, л. 6]. При этом она никогда не указывала год, а также имя лица, к которому письмо обращено, за исключением поздравительных. Подобные нормы написания писем она передала своим детям. Так, старшие, Ольга и Дмитрий, заканчивали письма тоже «целованием ручек» у любимого дедушки.

Содержательная ценность многих единичных писем Соломирской минимальна, в них отсутствовало изложение каких-либо событий. Например, ее письмо от 25 июня 1855 года состояло из одного предложения: «Я беру перо только для того, чтобы вам написать, что у нас все хорошо, дорогой папа, поскольку, чтобы что-то написать, нужно, чтобы было о чем писать, а у нас здесь в глуши, право, писать нечего. Целую ваши ручки. Е[катерина]» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 52, л. 31]. Коротким было письмо и от 4 июня: «Я могу написать вам лишь два слова, — торопилась она, — поскольку наш почтарь (как его здесь называют) вот-вот уедет и ждет только моего письма. У нас все хорошо, кроме погоды, которая продолжает быть прескверною. Целую ваши ручки, Е[катерина]» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 52, л. 23]. «Мне не о чем особенно Вам писать, — отмечала Екатерина, — милый папа, но как пропустить почту, не написав Вам несколько слов?» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 48, л. 15]. В таких письмах она просто передавала весточку о том, что все живы и здоровы: «Я написала вам только несколько слов, дорогой папа, чтобы вы не беспокоились, поскольку нет ничего значительного, о чем можно было бы вам сказать» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 50, л. 15]. В то же время регулярность отправления таких писем определяла повседневность женского мира.

Переписку Соломирская вела преимущественно на французском языке. Это было нормой в период получения ею домашнего образования. Родной язык она использовала крайне редко, ограничиваясь только «вкраплением» русских слов. Постепенно общество стало склоняться к русскоязычному, или «смешанному», написанию писем, и уже дети Соломирской, несмотря на хорошее знание языков, писали только на русском.

4. Светская дама в уральской провинции: «Тоска ужасная!»

После переезда на Урал у Е. А. Соломирской полностью изменился образ жизни. Появилось много времени, которое она не знала, как провести. Скукой и бездельем были заполнены первые годы ее жизни в провинции. «Мое существование здесь, — жаловалась Соломирская своему отцу, — представляет собой однообразие, которое у вас вызовет скуку, но обо всем этом я вам пишу лишь для того, чтобы вновь не навлечь на себя вашего неудовольствия, уверяю вас, что мне очень тягостно» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 50, л. 7]. Об этом же она говорила и в других письмах: «Что вам сказать? Право, трудно найти что-нибудь хорошее. Кроме скуки, ничего не знаю и даже не понимаю, чтобы что-нибудь другое могло существовать» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 48, л. 13].

Часто ее муж уезжал по делам в Екатеринбург или в столицу, оставляя жену надолго одну, что для нее было всегда тягостно. «Сообщаю вам, дорогой папа, — писала Екатерина, — об отбытии моего мужа, который из-за непредвиденных дел был вынужден предпринять эту поездку. Павел — живая грамота и все вам расскажет про наше житье-бытье. Он уехал вчера, 1-го, а, значит, будет в Москве 12 или 13-го числа этого месяца. Прошу вас, дорогой папа, примите моего мужа так холодно, как только сможете, чтобы не зажился у вас, а то набалуеете его так, что уж верно в Сибирь не захочется ехать» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 50, л. 21—21 об.]. Поездка, однако, затянулась, и Екатерина все эти дни беспокоилась о муже. «Милый папа, — сообщала она, — я в смертельной тревоге. Павел до сих пор не приехал. У нас были новости из Нижнего, откуда он должен был уехать 1-го этого месяца. Он уже десять дней в дороге, а ехать оттуда всего восемь. Сохрани его Бог, лишь бы был здоров» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 48, л. 25]. Задержался он из-за болезни, которая сломила его в Нижнем Новгороде. «Мои предчувствия меня не обманули, дорогой папа! — рассказывала Екатерина. — Мой муж приехал, наконец, но после продолжительной болезни, которую он подцепил в Нижнем и которая его очень перевернула. Слава богу, что приехал, а слабость, остатки после болезни, надеюсь, скоро пройдут» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 49, л. 29].

Сама она по натуре не была деятельной, любила долго поспать: «Я сейчас еду в Петербург, милый папаша, — писал муж Соломирской Павел своему свекру, — а Катя спит по обыкновению» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 133, д. 4, л. 5]. «Сколько удовольствия, дорогой и добрый папа, мне доставило ваше письмо! — благодарила его Екатерина. — Сама не люблю писать, но получать письма — это другое дело. Несмотря на мою лень, ваше письмо так меня обрадовало, что взяла перо и пишу вам» [НИОР

РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 52, л. 35]. «В этот раз, — сообщала дочь отцу в другом письме, — мое молчание не было обусловлено ленью, дорогой папа, но неожиданной скукой, о которой я не могу вам рассказать, тоска ужасная!» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 490, л. 27]. При этой «тоске» и «скуке» у Екатерины часто не хватало времени для составления посланий: «Я так много писала к мужу, что едва успею написать к Вам несколько слов, милый папенька», — такими словами она начала 9 января свое поздравление с Новым годом [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 49, л. 15].

Единственным развлечением для Соломирской вначале были выезды в город. «Милый папа, — рассказывала дочь в письме от 20 апреля, — мы уже четыре дня в Екатеринбурге, чтобы перезнакомиться здесь со всеми, кто постоянно нужен моему мужу для ведения дел» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 47, л. 13]. Однако представители екатеринбургского высшего общества на Екатерину не произвели впечатления, о них она пренебрежительно писала: «Уж что за знать, хоть бы век ее не знать, а нечего делать» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 47, л. 13]. И если вначале Екатерина с удовольствием посещала местные ассамблеи: «Во вторник и в субботу в ассамблее был бал, — писала Соломирская из Екатеринбурга 23 апреля, — где я танцевала как безумная и крайне было весело, то-то видела я фигуры, а уж про наряды нечего и говорить» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 47, л. 17], то вскоре она стала ими тяготиться и предпочитала их игнорировать. «Наш Екатеринбург ожил после приезда Глинки, — сообщала Екатерина в январском письме. — Все дни <...> устраивали праздники в честь возвращения Глинки сюда, т. к. его очень любят. Надеюсь избавиться от этих балов <...>, кроме бала Глинки, на который надо будет ехать непременно, или сделать ему неприятность, вещь, которую я не желаю делать ввиду того, что имеется между ним и Paolino» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 49, л. 22].

В отсутствие мужа Соломирская тоже ездила по «нужным» знакомым. «Вот уже неделя, — рассказывала она в письме от 23 июня, — как мой муж уехал в Пермь по делам, и я приехала сюда [т. е. в Екатеринбург], чтобы сделать несколько визитов, которые я не отдала. А здесь не у всех быть — беда: сейчас врагов наживешь... Останусь здесь на 4 дня, т. к. должна проглотить два несчастных обеда, на которые приглашена заранее» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 48, л. 11]. И даже в компании некоего Башмакова встретила новый год «в собрании на бале» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 49, л. 15].

Частью повседневного времяпрепровождения Екатерины стало курение папирос, что в 1840—50-е годы было распространено между дамами так же, как и нюханье табака в 1820-е [Бирюкова, 2002, с. 55]. Отдавала

она предпочтению турецкому табаку сорта, как она писала, «крепкий-слабый», с московской табачной фабрики Бостанджогло, и бумаге — «превосходной, настоящей английской» либо отечественной наилучшей «бекеровской». Все это посылали ей отец и знакомые: «Мне прислали из Петербурга, — жаловалась она 29 октября [1845 г.]. — Петруша Урусов бумаги для делания сигар, но прескверной, очень толстой и простой, не заграничной, очень тоненькой и очень прозрачной. Сделайте милость, не забудьте [о] моей просьбе, я не только у вас ручки поцелую, но и в ножки поклонюсь. Эта бумага из Петербурга стоит мизер — 40 коп. за лист, который очень большой, так что если вы пришлете мне 25 листов, то на два года будет» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 49, л. 4—4 об.]. Очень часто Соломирская ругала отца за плохой табак. «Я только что, — сообщала из Екатеринбурга Екатерина 7 января, — получила табак. Ну, уж право... грех на душу такого табаку скверного прислать, что невозможно курить. Табак, который вы мне прежде послали, был восхитителен, хотя и дорог, тот был по 2 рубля серебром фунт и на ящике клеймо крепкий-слабый. Сделайте милость, пришлите мне немного прежнего табаку, фунтов 5 — что мне не выкурить в полгода. Прошу вас, дорогой папа, скажите греку, что табак, который вы мне посылали раньше, был крепкий-слабый. По этим словам он узнает, что это был за сорт табака» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 50, л. 1—1 об.]. Табак, по мнению исследователя А. Б. Бирюковой, был неотъемлемой частью повседневного существования всего сословия, символом стабильного положения, гарантом независимости, самодостаточности, особенно в закрытых устоявшихся или временных обществах. До 1860-х годов курение разрешалось в общественных местах, например, на балах и в собраниях. «Мне приготовили сигары, — хвасталась Соломирская о вечеринке у Рязановых, — а в качестве пепельницы подали блюдечко из чеканного золота. Прошу поверить!» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 47, л. 13 об.].

5. Досуг Екатерины Соломирской

Постепенно Соломирская втянулась в размеренную жизнь провинции, приспособилась к местным условиям и нашла занятия «по душе». Она была инициатором создания домашнего театра, без которого было «скучно» и который «сделался страстью» всего семейства. Спектакли давались по поводу домашних праздников, именин членов семьи и их ближайших родственников. «На мой праздник, — делилась Екатерина с отцом, — мне сделали сюрприз: спектакль, и я сделала вид, что мне ничего не известно» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 49, л. 8 об.]. Репертуар выбирала сама хозяйка. В письмах к отцу она часто обращалась с просьбой: «Сделайте милость, пришлите нам

еще водевили, новые нынешнего года» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 49, л. 8 об.]. Через месяц Соломирская вновь просила отца: «Наш театр очень удался. Вот афиша. 8 июня именины моего милого Хвощинского, мы снова готовим спектакль, только еще пьес не можем найти. Сделайте милость, не забудьте моей просьбы насчет пьес каких-нибудь новых, только, пожалуйста, русских и водевилей, а не серьезных. Я вам буду так благодарна, если вы нам пришлете хоть какие-нибудь пьесы» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 48, л. 1—1 об.]. Пьесами она, однако, осталась недовольна: «Огромное спасибо, милый папа, за пьесы, которые вы нам прислали. Но, к несчастью, нам ни одна не подходит. Все эти пьесы уже довольно старые. Москва порядочно отстала от Петербургского театра, потому что мы читаем разбор множества новых пьес в “Северной пчеле”» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 48, л. 5]. И советует отцу подписать ее на специальный журнал, в котором они публиковались: «Есть журнал, который называется “Репертуар”, издаваемый каким-то Песецким, где все новые пьесы помещаются, какие только выходят. Вы бы так добры были, милый папенька, если бы абонировали меня на этот журнал, вместо одного из модных, которые вы мне присылаете» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 48, л. 1—1 об.].

Соломирская сама готовила костюмы к постановкам. «Наш спектакль, — сообщала она, — состоится в пятницу. Это решено, и с будущей почтой пришлю афишку. У меня к Вам просьба, милый папа. В пьесе, которую мы будем играть на день рождения, нужны костюмы времени Людовика XV, нет ли у Вас, милый папа, гравюр с изображением костюмов этого времени, и не были бы вы так добры нам их послать. Мы бы сохранили и с благодарностью возвратили. Нам бы только хоть две картинки <...> один мужской молодого человека и старика времен Людовика Четырнадцатого» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 47, л. 17—17 об.]. Была у них и своя афишка, которую высылали А. Я. Булгакову и родственникам. «Вот две афиши, — писала Екатерина, — одна для Ольги и одна для моего брата Константина. Третья афиша для Вас» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 48, л. 2]. В спектаклях принимали участие ближайшие родственники и друзья [Костерина-Азарян, 1998].

В городе Екатеринбурге Соломирская также не упускала случая посетить театр. Известно, что там она слушала оперу А. Н. Верстовского «Аскольдова могила»: «Позавчера, — сообщала Екатерина отцу 20 апреля, — я была в здешнем театре — недурно. Давали оперу Верстовского «Аскольдова могила». Их театр импровизированный, совсем маленький, а на будущий год будут играть в новом театре, который строится довольно большой. Вот Вам и афишка» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 47, л. 13].

Осенью 1854 года в Сысертском заводе давал концерт очень известный импровизатор, пианист Сеймур Шиф, который в 1853—1855 годах гастролировал по всей стране. Он прогостил у Соломирских неделю. «Позавчера Шиф, — докладывала Екатерина отцу из Сысерти 13 ноября, — приехал к нам. Он провел здесь два дня и этим утром возвратился обратно в Екатеринбург, где он дает еще один концерт и после уезжает в Сибирь». В этом же письме говорится, что выступлением музыканта Екатерина Александровна осталась недовольна: «В его игре присутствует удивительная чистота исполнения, но мало чувства, что мне и не понравилось. Что и музыка без выражения, а одна быстрота и ловкость. Это не музыкант, а мошенник, который исполняет искусный трюк. Что удивительно, так то, что он поет очень выразительно, и у него очень приятный голос. На его месте я бы предпочла петь, а не играть» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 51, л. 3—3 об.].

Круг лиц, с которыми постоянно общалось семейство Соломирских, был довольно узок, пять—шесть человек из высшего екатеринбургского общества. «Вчера у нас было, — сообщала отцу Екатерина в апреле, — большое общество из города, дорогой папа, Глинка, горный начальник, с пятью или шестью лицами. Сегодня утром все уехали» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 47, л. 21]. Однако эта небольшая компания была ей поначалу в тягость: «Мы гостям хотя и очень были рады, — далее писала она, — но весьма довольны, что они более здесь не прожили, т. к. в деревне очень стесняет, когда к вам приезжают и располагаются люди, которых вы едва знаете. Другое дело короткие знакомые, а как таких очень мало, то и очень скучно, когда больше чем на один день приедут» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 47, л. 21].

Вскоре она привыкла к местным жителям и установила определенные дни для визитов гостей из города. «Из города, — рассказывала Соломирская, — к нам два или три раза в неделю будут приезжать такие очаровательные гости, каких только и можно было бы ожидать здесь, в 1500 верстах от Москвы» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 50, л. 12—12 об.]. Каждый день у нее ужинало по 4—5 человек. «Мы всегда находимся в свете, — сообщала Екатерина, — ежедневно у нас за ужином и после него бывает 4 или 5 человек. Вечером сражаемся в преферанс, и до сих пор я побеждаю всех, не знаю, что будет впредь. Наше общество состоит, во-первых, из Хвощинского, поверенного по делам господина Меджер, который очень известен, исправника, который также здесь крутится, доктора Воронцова, господина Турчанинова — кузена Павла, и доброго друга Хвощинского, который провел здесь всю свою жизнь и имеет небольшой земельный участок в 20 верстах отсюда» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 50, л. 12—12 об.].

Кроме преферанса, она научилась игре в бильярд. «Мне думается, — делилась Екатерина со своим отцом, — я без памяти только не от кого-нибудь, а от бильярда, и, право, я бы теперь могла с вами играть, конечно, уж бравши несколько очков вперед. Мы играем карамболом партию из 60-ти очков. Дети, особенно Митя и Катя, также играют достаточно хорошо» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 50, л. 8].

Она нашла себе в имении ряд увлечений. «Вчера Екатерина, — удивлялся ее муж Павел в письме свекру, — встала в 5 часов утра, чтобы поудить рыбу. Она возвратилась к ужину! И после ужина она вернулась туда же, и оставалась до 8 часов вечера!! то есть она рыбачила 15 часов!!! Сегодня она вновь занималась этим. Это пристрастие очевидно, и я рад, что это занятие доставляет ей развлечение, хотя в нашем краю развлекаться трудно, поэтому прошу вас мне прислать для нее... удочку с коробкой рыболовных крючков и латунную рыбку, украшенную крючками для ловли крупной рыбы» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 50, л. 18.]. Конечно, А. Я. Булгаков не мог не порадовать дочь отличным рыболовным набором. «Ну уж удочки, — благодарил она отца, — что вы мне прислали! Просто наслаждение ими удить. Для меня стало страстью ловить рыбу удочкой. Особенно теперь, без мужа скучно. Я провожу дни за рыбной ловлей. И такая здесь ловля бесподобная, все ерши и окуни, дрянной рыбы вовсе нет» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 48, л. 15]. Эту страсть она передала и своему сыну Александру. «Что у нас за погода! — восхищалась Екатерина в письме от 11 июня. — Просто прелесть! Ерши клюют огромные! Вот бы вы поудили. У маленького Сашки страсть рыбу удить. Его, разумеется, не пускают удить в пруду, то он привязывает к палочке нитку и удит в комнате, в огромном тазу. Когда я была им беременна, все удила рыбу и чуть его не родила у пруда с удочкой в руках» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 52, л. 27].

Зимние дни Соломирская посвящала вышиванию: «Одно у меня наслаждение — это моя работа, но наслаждение это кончается в 5 часов, потому что темно и работать уже нельзя, а вечер не знаешь, как убить до 10 часов и идешь себе спать, а на другой день опять то же и то же» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 52, л. 5—5 об.]. Это занятие она освоила в провинции. «Я обрадована, — сообщала Екатерина 15 декабря, — дорогой папа, тем, что рисунок, который я вам послала, вам понравился. Вот другой (по моему мнению, намного красивее), который и посылаю вам на Новый год. Первое произведение, которое я вам прислала, было первым опытом, это же произведение намного более художественное и рисунок красивее...» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 51, л. 7—8]. Ткань и узоры для вышивания присылал ей отец. «Я только что, — благодарил она отца

в письме 26 сентября, — получила шелковую канву, которую у вас просила и два рисунка с распродажи, за которые я вас очень благодарю. Будьте так добры, исполните еще комиссию, а именно на прилагаемые 25 рублей серебром прошу вас купить канвы шелковой, черной, не очень тонкой и не очень толстой, средней <...> Канвы золотой тоже средней 1 арш., серебряной <...> два узора для вышивания гирлянды, но все равно, если круглая, не нужно, чтобы непременно была овальная. Если есть канва шелковая цветная, то пришлите, пожалуйста, аршин или два разного цвета» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 51, л. 1—2]. Свои изделия она высылала отцу и родственникам.

Часть времени Екатерина посвящала уходу за животными, которых она завела в своем доме: «А у меня теперь страсть к разным птицам и животным, только не к людям — животным. У меня соловей, канарейка, египетский голубь, бульдог и живой соболь довольно ручной. У меня здесь зверинец. Окошки тоже заставлены разными плантами [т. е. растениями — М. Л.], за которыми я сама ухаживаю» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 50, л. 8]. Наконец, она стала устраивать для себя длительные прогулки по окрестностям. «Я виновата, — каялась Екатерина в письме от 26 сентября, — пропустила субботу, но не от лени, а загулялась. Погода у нас чудесная» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 51, л. 1].

Чтение для нее не было любимым занятием. Она лишь просматривала несколько модных журналов и пролистывала «Северную пчелу» в поисках «новых пьес» для постановок, но более тщательно следила за детским репертуаром. «Пожалуйста, папочка, — просила Соломирская, — пришлите две маленькие детские книжки для старших — Мити и Лёли, которые начинают читать очень хорошо. Книжки для детей на русском языке. Какенибудь сказки, или басни, только сделайте милость, печать не крупная» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 48, л. 24].

6. Рождение и воспитание детей

О детях Соломирская сообщала не так уж часто и как бы между прочим. Однако она состоялась как мать: родила как минимум девятерых детей и очень их всех любила. «Я вам не могу передать, — сообщала беременная Екатерина, — как я хочу маленького мальчугана, т. к. мои дети станут достаточно большими, а я маленьких детей без памяти люблю» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 49, л. 25—25 об.]. Рожала она практически каждый год. По письмам можно установить, что в Царском селе родились старшие дети: дочь Ольга — 24 июля 1837 года и сын Дмитрий — 18 августа 1838 года. Затем в 1839 году у нее появилась Екатерина, а в 1840 — Лев.

В ее письмах имеются сведения о дочерях, Александре и Марии, которые были рождены, вероятно, в период с 1843 по 1846 либо с 1848 по 1851 годы, но других сведений о них не сохранилось, скорее всего, они умерли в детстве. «Маленькая Сашка, — восхищалась Соломирская, — очень похожа на Ольгу, когда она была маленькая: курносая и преживая» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 49, л. 34]. После этих родов у Е. Соломирской возникли осложнения со здоровьем и она вынуждена была взять няню для вскармливания ребенка. «Не писала долго, — рассказывала Екатерина, — так как не было возможности. После того, как я вынуждена была взять кормилицу моей малышке, я наблюдаю постоянное ухудшение, и не было сил терпеть. Теперь, слава богу, заживает, и завтра я думаю уехать в Сысерть, где мой муж уже с тремя детьми, а Катя и Саша со мной поедут» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 49, л. 33 об.]. Самыми младшими были дочь Наталья (27.12.1847—?) и сын Александр (1852—?).

Детей она при поездках в город брала с собой либо оставляла с няней. На их дни рождения Соломирская устраивала праздники — игры и лотереи. «Я вас буду просить, — обращалась Екатерина к отцу, — купить мне серег и колец, вы мастер были покупать. Здесь есть, но серьги и кольца почти все одинаковые, и вообразите, что несмотря, что их везут сюда за 2000 верст, они стоят 1 руб. серебром сотня. Непонятно, из чего их делают. Будьте так добры, милый папа, посмотреть эту продажу и послать мне все это на 8 или 10 серебряных рублей. 18 августа день рождения Мити, и я хотела бы, чтобы это могло приехать к этому дню» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 48, л. 9—10]. Из присланных А. Я. Булгаковым красиво уложенных конфет Екатерина устроила праздник. «Ну, уж конфеты, — пишет из Сысерти 22 декабря Екатерина, — просто прелесть! Я не могла ими налюбоваться, вы можете себе представить радость детей. Я так разболталась, что не начала с главного, то есть благодарю вас тысячу раз и целую ваши ручки. Как они были уложены, чудо, даже ни один цветочек не помялся и точно сейчас из магазина. Дети все тоже целуют ручки у бабушки и благодарят за конфеты, из которых я им сделала лотерею. Нужно было видеть их радость» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 50, л. 31—31 об.]. В другом письме она сообщила, что ее «малыши чувствуют себя хорошо, ходят по Уралу и отыскивают разные камушки, которые здесь нипочем, а для нас уже редкость» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 47, л. 22].

Все дети в семье Соломирских получили домашнее образование. Гувернантками были француж и англичанка, главная обязанность которых заключалась в обучении детей свободному языку, так как в российском обществе главным признаком «хорошего» образования считалось владе-

ние французским языком в совершенстве. В то же время знание английского языка было необязательным и учили ему только в узком кругу семей высшего общества. Наличие мисс в качестве гувернантки, по мнению череповецкого исследователя О. Ю. Солодянкиной, свидетельствовало как о более высоком уровне семейных амбиций, так и о «странности и чудакватости» семьи [Солодянкина, 2001, с. 358]. Англичанки, как правило, устанавливали свою, нетипичную для русских семей систему воспитания, строго придерживаясь четкого распорядка дня. В семье Соломирских отношения Екатерины как матери с гувернанткой-англичанкой не сложились, и ее уволили. «Пожелайте нам, — писала Е. Соломирская, — дорогой папа, избавиться от нашей англичанки, наконец. Вообразите, что она позволила себе, в то время как мы были в Екатеринбурге, побить Митю. Я ей сказала, что не желаю иметь такую учительницу... Через два часа после этого разъяснения мой муж ее отправил. Слава богу, что отделались от этой фурии» [НИОР РГБ, ф. 41, карт. 132, д. 49, л. 6—6 об.]. С французом тоже возникли проблемы, и его отстранили. Наконец в начале 1850-х годов гувернером был приглашен сын профессора и ректора Харьковского университета И. Я. Кронеберга, Алексей Иванович [Микитюк, 1998]. По воспоминаниям современников, он был человеком весьма образованным, даровитым от природы, пользовался авторитетом у сослуживцев, обладал сдержанностью характера. Впоследствии он женился на старшей дочери Соломирской, Ольге Павловне.

7. Последние годы

После смерти в 1870 году мужа Соломирскую содержал старший сын Дмитрий Павлович, выплачивая ей ежегодное пособие в размере 2 тыс. рублей. Кроме того, она получала пенсию 47 руб. в месяц. Однако этих денег ей постоянно не хватало, и она имела большие долги. «Если бы ты, добрый Дмитрий, — просила она в своем последнем письме сына, — сделал бы следующую мою просьбу, я бы тебя благословила тем более, что я у тебя не буду просить того, что бы мне не следовало, а именно за 1880 и 1881-й года, удерживать мое содержание и уплатить ими по векселю купцу Аксенову 3 тысячи рублей, купцу Зайцеву 500 рублей и учителю Калчанову 500 рублей. Это бы вышло как раз 2 года моего содержания. А 500 рублей нынешнего года, которые я тебя просила у себя оставить — выслать мне, потому что мне придется жить на одну мою пенсию 2 года по 47 рублей в месяц, что очень тяжело, но я буду довольна, лишь бы эти мои долги ты, добрый Митя, взялся бы уплатить. Как я тебя об этом и прошу выше» [ГАСО, ф. 128, оп. 1, д. 1, л. 8]. Жила она в Сысертском заводе, часто го-

стила в семьях своих детей, обосновавшихся на Урале. Умерла Екатерина Александровна Соломирская 30 декабря 1879 года [ГАСО, ф. 128, оп. 1, д. 1, л. 10] во время пребывания в гостях у своей старшей дочери Ольги и была похоронена 1 января 1880 года при Николаевской церкви Выйского завода Нижнетагильского горного округа [Шимонек, 2006, с. 60].

8. Заключение

Вынужденный переезд из столицы в провинцию привел к изменению образа жизни дворянки. Попытки перенести в провинцию уклад, принятый в светском обществе, и жить так, как она привыкла, закончились неудачей. Неудачны были и контакты с представителями местного провинциального светского общества уездного города, то есть носителями иной культуры, поскольку основу этого общества составляли преимущественно выходцы из купеческого сословия, дворянства было мало. В рассматриваемый период для представительницы высшего светского общества очень важно было сословное положение людей, с которыми ей приходилось общаться. В итоге принятые привычные элементы уклада: общение, встречи, театральные постановки и прочее — перенесены были, но соблюдались только в рамках одного ее семейства, благо что оно было большим. С одной стороны, это привело к замкнутости образа жизни, с другой — к открытию новых занятий, нехарактерных для светской дамы и продиктованных исключительно внешними условиями провинциальной жизни: прогулок, любования природой, рыбной ловли и прочего. Высвобожденное время уделялось общению и воспитанию детей.

Таким образом, при соприкосновении двух культур (столичной и провинциальной) произошла взаимная трансформация и адаптация к новым условиям жизни. Перенимание черт культурно-бытовых традиций обоих обществ привело к созданию своего жизненного уклада, копировавшего некоторые черты столичного, но приспособленного к местным условиям. С перемещением из столицы в провинцию произошли изменения не только в образе жизни, но и в сознании светской дамы.

Источники и принятые сокращения

1. Булгаков, 1901 — *Письма А. Я. Булгакова* // Русский архив. — 1901. — № 11. — С. 298.

2. *Бутурлин М. Д.* Записки графа М. Д. Бутурлина : воспоминания, автобиография, исторические современные мне события и слышанные от старожил, впечатления, артистические сведения, литературные заметки и фамильная летопись : в 2 томах / М. Д. Бутурлин; [науч. ред.: М. А. Полякова]. — Москва : Любимая книга, 2006. — Т. 1. — 651 с.

3. Вяземский, 1879 — *Из писем князя П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову* / Русский архив. — 1879. — № 5. — С. 110; № 6. — С. 237.
4. ГАСО — *Государственный архив Свердловской области*. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 10.
5. НИОР РГБ — *Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки*. Ф. 41. Карт. 132. Д. 47, 48, 49, 50, 51, 52 ; Карт. 133. Д. 4.

Литература

1. *Бирюкова А. Б.* Курение как феномен повседневной жизни России в конце XVIII — середине XIX в. / А. Б. Бирюкова // *История Российской повседневности*. — Санкт-Петербург : Нестор, 2002. — С. 51—59.
2. *Костерина-Азарян А. Б.* Театральная старина Урала / А. Б. Костерина-Азарян. — Екатеринбург : Демидовский институт, 1998. — 224 с.
3. *Лотман Ю. М.* Интересы и занятия дворянской женщины [Электронный ресурс] / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий : пособие для учителя. — Изд. 2-е. — Ленинград : «Просвещение», Ленинградское отделение, 1983. — Режим доступа : <http://knigi1.dissers.ru/books/library2/1139-1.php>.
4. *Лотман Ю. М.* Пушкин : Биография писателя. Статьи и заметки. 1960—1990. «Евгений Онегин». Комментарий / М. Ю. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство, 1997. — 845 с.
5. *Микитюк В. П.* Алексей Иванович Кронеберг / В. П. Микитюк // *Нижний Тагил в лицах. Общественные деятели Тагила XIX — начала XX веков : пособие по историческому краеведению*. — Нижний Тагил : [б. и.], 1998. — С. 44—55.
6. *Пирогова Е. П.* Род Турчаниновых / Е. П. Пирогова, Е. Г. Неклюдов, М. Б. Ларионова. — Екатеринбург : ИД «Сократ», 2008. — 356 с.
7. *Солодянкина О. Ю.* Английские гувернантки в русских дворянских семьях / О. Ю. Солодянкина // *Философский век. Альманах* / отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2001. — Выпуск 17. — С. 354—369.
8. *Шимонек Е. В.* Иконография пушкинского окружения в документах Госархива Свердловской области / Е. В. Шимонек // *Отечественные архивы*. — 2006. — № 3. — С. 59—63.

Everyday Life of Fine Lady in Province (by Material of Letters of 1840—1850-ies of Ye. A. Solomirskaya, Ural Factory Owner's Wife)

© **Larionova Marina Bariyevna (2019)**, orcid.org/0000-0003-4969-0527, SPIN-код 2418-1265, PhD in History, Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia), marin.lar@mail.ru.

On the basis of archival materials — letters of a metropolitan fine lady, wife of co-owner of Sysertsky plants (Perm province) Yekaterina Aleksandrovna Solomirskaya, written in the middle of the 19th century from the province (Sysertsky plant or Yekaterinburg) to her father in Moscow, the Moscow postal director A. Ya. Bulgakov, — daily life of a noblewoman, who grew up and shined in society, and subsequently trapped in the Ural province, is reconstructed. The process of adaptation of metropolitan lady to provincial life, the change of her value orientations, lifestyle, everyday matters, circle of friends and interests is discussed. The relevance of the work is due to the turn of world humanitarian knowledge to the anthropological paradigm of research, the desire to rethink approaches to the reconstruction of the past, close attention to the life and work of certain members of the upper class as carriers of cultural values of Russian society, as well as the unexplored daily life of the provincial nobility. Analysis of the Ural archival materials in these aspects refutes the well-established opinion that the nobles did not live in the Urals.

Key words: everyday life; provincial nobility; Urals; Ural factory owners; Solomirsky; epistolary heritage.

Material resources

- Bulgakov, A. Ya. (1901) Pisma A. Ya. Bulgakova. *Russkiy arkhiv*, 11: 298. (In Russ.).
- Buturlin, M. D. (2006) *Zapiski grafa M. D. Buturlina: vospominaniya, avtobiografiya, istoricheskiye sovremennyye mne sobytiya i slyshannyye ot starozhilov, vpechatleniya, artisticheskiye svedeniya, literaturnyye zametki i familnaya letopis'*: v 2 tomakh, 1. Moskva: Lyubimaya kniga. (In Russ.).
- GASO — *Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti*. F. 128. Op. 1. D. 1. L. 8, 10. (In Russ.).
- NIOR RGB — *Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki*. F. 41. Kart. 132. D. 47, 48, 49, 50, 51, 52; Kart. 133. D. 4. (In Russ.).
- Vyazemskiy, P. A. (1879) Iz pisem knyazya P. A. Vyazemskogo k A. Ya. Bulgakovu. *Russkiy arkhiv*, 5: 110; 6: 237. (In Russ.).

References

- Biryukova, A. B. (2002) Kurenkiye kak fenomen povsednevnoy zhizni Rossii v kontse XVIII — seredine XIX v. In: *Istoriya Rossiyskoy povsednevnosti*. Sankt-Peterburg: Nestor. 51—59. (In Russ.).
- Kosterina-Azaryan, A. B. (1998) *Teatralnaya starina Urala*. Ekaterinburg: Demidovskiy institut. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1983) Interesy i zanyatiya dvoryanskoy zhenshchiny. In: Lotman, Yu. M. *Roman A. S. Pushkina «Evgeniy Onegin»*. *Kommentariy: posobiye dlya uchitelya*. Leningrad: «Prosveshcheniye», Leningradskoye otdeleniye. Available at: <http://knigi1.dissers.ru/books/library2/1139-1.php>. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1997) *Pushkin: Biografiya pisatelya. Statyi i zametki. 1960—1990*. «Evgeniy Onegin». *Kommentariy*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo. (In Russ.).
- Mikityuk, V. P. (1998) Aleksey Ivanovich Kroneberg. In: *Nizhniy Tagil v litsakh. Obshchestvennyye deyateli Tagila XIX — nachala XX vekov: posobiye po istoricheskomu kravevedeniyu*. Nizhniy Tagil: [b. i.]. 44—55. (In Russ.).

- Pirogova, E. P., Neklyudov, E. G., Larionova, M. B. (2008) *Rod Turchaninovykh*. Yekaterinburg : ID «Sokrat». (In Russ.).
- Shimonek, E. V. (2006) Ikonografiya pushkinskogo okruzheniya v dokumentakh Gosarkhiva Sverdlovskoy oblasti. *Otechestvennye arkhivy*, 3: 59—63. (In Russ.).
- Solodyankina, O. Yu. (2001) Angliyskiye gubernantki v russkikh dvoryanskikh semyakh. In: Artemyeva, T. V., Mikeshin, M. I. (eds.) *Filosofskiy vek. Almanakh*, 17. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy Tsentr istorii idey. 354—369. (In Russ.).